

ратурными трудами, о которыхъ здѣсь шла рѣчь. У Кудрявцева была какъ бы потребность распахать своимъ трудомъ какъ можно больше участковъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ на великомъ полѣ человѣческой исторіи, чтобы лучше и вѣрнѣе его обозрѣть. Одаренный въ извѣстной степени беллетристическимъ талантомъ, какъ видно изъ его повѣстей, съ живымъ чутьемъ красоты по отношенію къ художественнымъ произведеніямъ, онъ могъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ совершенно бенедиктинскимъ терпѣніемъ углубиться въ изученіе самыхъ мелкихъ фактовъ, самыхъ скучныхъ эпохъ и вопросовъ. Съ такою же добросовѣстностью и почти *преданностью* дѣлу, съ какою онъ боялся упустить изъ виду малѣйшую подробность въ дѣтствѣ и юности Грановскаго, онъ собиралъ и разбиралъ мельчайшіе факты въ другихъ своихъ трудахъ, касались ли они Каролинговъ, Данте или Катерины Медичи. Казалось, что Кудрявцеву нужно было, чтобы *все* факты были на-лицо, всѣ до одного и каждый на своемъ мѣстѣ, для того, чтобы произнести надъ ними безпристрастный судъ и прочесть печать, наложенную на нихъ великимъ движеніемъ исторіи. И, разумѣется, самые факты были конечнымъ предметомъ его мысли. Медленно развертывая „полный жизненный свитокъ“ отдѣльнаго лица „во всю его длину“, онъ искалъ въ немъ черты созидающаго духа, выразившагося въ этой жизни; перебирая безконечную вереницу событій въ исторіи народа, онъ искалъ въ нихъ свойствъ народнаго духа, направлявшаго событія и отражавшагося въ нихъ; занимался общими судьбами человѣчества, Кудрявцевъ искалъ въ нихъ залога для великой его будущности и осуществленія его идеаловъ. Эти идеалы онъ могъ понимать въ самомъ широкомъ и благородномъ смыслѣ въ силу разносторонности своего развитія. Онъ былъ въ состояніи оцѣнить важность естествознанія для исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе великихъ философскихъ теорій для мысли историка. Въ факультетѣ его обвиняли въ непатріотическомъ сочувствіи къ папству, и тѣ же голоса, прочитавши его статью о Карлѣ V, вѣроятно, возвели бы на него противоположное обвиненіе—въ излишнемъ сочувствіи къ реформациі; но онъ былъ только справедливъ къ великимъ историческимъ теченіямъ, потому что не отождествлялъ части съ цѣлымъ и ставилъ цѣлое—исторію человѣчества—выше части. Точно также онъ допускалъ субъективное творчество въ исторіографіи, но не смѣшивалъ его съ наукой и держался убѣжденія, что наука исторіи состоитъ именно изъ совокупности субъективныхъ усилій разгадать тайну человѣческихъ судебъ. Но для этого онъ требовалъ полной свободы для науки—и свободы внут-